https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-272-287
УДК 81'25
ББК 81.18
Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2026 г. О.С. Сергиенко
г. Санкт-Петербург, Россия

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ЛИБОРА ДВОРЖАКА КАК ПЕРЕВОДЧИКА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена исследованию индивидуального стиля чешского переводчика русской литературы Либора Дворжака. Актуальность работы обусловлена современным интересом переводоведения к личности переводчика как субъекту художественного перевода и необходимости выявления устойчивых особенностей его переводческой манеры. Цель исследования заключается в реконструкции идиостиля Л. Дворжака посредством анализа повторяющихся переводческих решений, выявляемых при работе с произведениями русских писателей XIX–XX вв. Материалом исследования являются переводы произведений М.А. Булгакова, А.П. Чехова и С.Д. Довлатова, а также литературно-критические отклики на переводы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. В работе используются методы сопоставительного анализа оригинала и перевода, контекстуального анализа и анализа переводческих стратегий. Проведенный анализ показывает, что переводческий идиостиль Л. Дворжака определяется стремлением сохранить художественную функцию оригинала при выборе средств выражения, соответствующих современному чешскому языку. Установлено, что устойчивость его переводческой манеры проявляется в закономерном выборе способов передачи языковых элементов с учетом их семантической, стилистической и культурной значимости в тексте.

Ключевые слова: Либор Дворжак, идиостиль переводчика, художественный перевод, русская литература в чешских переводах

Информация об авторе: Олеся Сергеевна Сергиенко — кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 9–11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2374-717X
E-mail: o.sergienko@spbu.ru

Дата поступления статьи: 15.07.2026
Дата одобрения рецензентами: 26.08.2026
Дата публикации: 25.09.2026
Для цитирования: *Сергиенко О.С.* Особенности идиостиля Либора Дворжака как переводчика русской художественной литературы // Вестник славянских культур. 2026. Т. 81. С. 272–287. https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-272-287

Проблема проявления личности переводчика в художественном переводе имеет давнюю традицию в переводоведении, однако на различных этапах развития дисциплины осмыслялась по-разному. В классических трудах по теории перевода основное внимание уделялось вопросам адекватной передачи художественного своеобразия оригинала, прежде всего индивидуального стиля автора, тогда как личность переводчика рассматривалась главным образом в контексте допустимых границ творческой интерпретации текста [3, 7, 12]. С конца XX в. исследовательский интерес постепенно смещается к самому переводчику как субъекту переводного текста. Важным этапом в этом процессе стала статья Т. Германса "The Translator's Voice in Translated Narrative" («Голос переводчика в переводном повествовании»), в которой было введено понятие *translator's voice* («голос переводчика»), позволившее рассматривать перевод как текст, в котором неизбежно проявляется индивидуальное присутствие переводчика [21]. Последовательную методологию изучения индивидуального стиля переводчика предложила М. Бейкер, определившая *translator's style* («стиль переводчика») как совокупность устойчивых языковых особенностей, повторяющихся в корпусе переводов одного переводчика [15]. Дальнейшее развитие данная проблематика получила в исследованиях Дж. Мандея, рассматривающего индивидуальный голос переводчика в связи с его языковыми, оценочными и идеологическими решениями [22–23], а также Ж. Боаз-Байер, анализирующей переводческий выбор в рамках когнитивной стилистики художественного перевода [16].

В современной переводоведческой литературе отсутствует единая терминология для обозначения устойчивых индивидуальных особенностей переводческой деятельности. В англоязычной традиции наиболее распространены понятия *"translator's style"* («стиль переводчика») и *"translator's voice"* («голос переводчика»), тогда как в отечественном переводоведении используются термины индивидуальный стиль переводчика, идиостиль переводчика и языковая личность переводчика. Различные аспекты проявления личности переводчика в художественном переводе рассматриваются в работах Е.Б. Дзапаровой, Л.В. Крупник, Ю.А. Кранышевой, С.М. Тиллоевой, Е.Н. Трёкиной, А.Д. Ладуренко, Д.Р. Рахматуллиной, Л.Э. Безменовой, С.В. Мангушева и др. [1, 4–6, 9, 11].

Несмотря на широкое освещение данной проблематики, большинство существующих исследований сосредоточено либо на теоретическом осмыслении феномена личности переводчика, либо на анализе отдельных переводов, произведений или переводческого творчества конкретных авторов. Работы, направленные на реконструкцию идиостиля переводчика посредством выявления повторяющихся переводческих решений, реализуемых в различных переводах, по-прежнему остаются немногочисленными.

Именно этим обстоятельством определяется актуальность настоящего исследования, обусловленная возрастающим интересом современного переводоведения к личности переводчика как самостоятельному субъекту художественного перевода и необходимостью дальнейшего изучения его идиостиля. Особую значимость в этой связи приобретает выявление повторяющихся переводческих решений, позволяющих отличить индивидуальные особенности переводческой манеры от решений, продиктованных художественной спецификой конкретного произведения.

В настоящем исследовании идиостиль переводчика рассматривается как совокупность устойчивых особенностей переводческой манеры, проявляющихся в повторяемости переводческих решений и сохраняющихся при работе с различными художественными текстами. В основе исследования лежит предположение о том, что единичные

переводческие решения могут быть обусловлены особенностями конкретного произведения, тогда как их повторяемость в переводах различных авторов свидетельствует о наличии устойчивых особенностей переводческой манеры.

Предлагаемое понимание идиостиля определяет цель исследования, которая заключается в реконструкции идиостиля чешского переводчика русской литературы Либора Дворжака посредством выявления устойчивых особенностей его переводческой манеры на материале переводов русской художественной литературы. Для достижения поставленной цели сопоставляются переводы произведений различных русских писателей, что позволяет выявить повторяющиеся переводческие решения, не обусловленные особенностями отдельного художественного текста, и тем самым реконструировать закономерности переводческой манеры Л. Дворжака.

Либор Дворжак (род. 6 июня 1948 г., Хеб, Чехословакия) — чешский переводчик русской литературы, журналист и литературный критик. За несколько десятилетий переводческой деятельности им были выполнены переводы произведений русской классической и современной литературы, благодаря чему его творчество представляет собой репрезентативный материал для исследования индивидуальной переводческой манеры.

Значительная часть его детства прошла в Москве, где отец Либора Дворжака работал в составе дипломатической миссии, что во многом определило его ранний интерес к русскому языку и литературе. После возвращения в Чехословакию Дворжак поступил на философский факультет Карлова университета, где изучал философию и русский язык; университет он окончил в 1974 г. Именно в этот период окончательно сформировался его интерес к художественному переводу русской литературы, которым он профессионально занимается с середины 1970 гг.

За несколько десятилетий переводческой деятельности Дворжак познакомил чешского читателя с произведениями русской классической и современной литературы. Среди наиболее значительных его переводов — произведения А.П. Чехова, М.А. Булгакова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, С.Д. Довлатова, В.Г. Сорокина, братьев Стругацких и других русских авторов [28]. Благодаря широте переводческого репертуара и многолетней работе Л. Дворжак стал одним из ключевых посредников в восприятии русской художественной литературы современным чешским читателем. За перевод «Окаянных дней» И.А. Бунина Л. Дворжак в 2006 г. получил премию Йозефа Юнгмана, а в 2012 г. вместе с братом Миланом был удостоен премии Рудольфа Медека за вклад в развитие чешско-российских культурных связей и популяризацию русской литературы и культуры в Чехии.

Первой отечественной публикацией, посвященной переводческой деятельности Либора Дворжака, стала статья автора настоящего исследования «Современные чешские переводчики русской литературы — братья Либор и Милан Дворжаки» (2013) [10]. В ней впервые в отечественной богемистике была предпринята попытка охарактеризовать место братьев Дворжаков в современной чешской переводческой традиции. В работе отмечались широкий жанровый диапазон переводчика, стремление сделать русскую литературу доступной современному чешскому читателю, а также ориентация на естественность чешского языка и функциональную передачу художественного воздействия оригинала. Хотя вопрос об идиостиле переводчика специально не ставился, в статье были обозначены отдельные особенности его переводческой манеры, впоследствии отмечавшиеся другими исследователями.

Одним из первых специальных исследований переводческой деятельности Л. Дворжака стала бакалаврская работа П. Позняка "Libor Dvořák jako překladatel ruské humoristické literatury" («Либор Дворжак как переводчик русской юмористической литературы», 2010). На материале переводов произведений А.П. Чехова, М.М. Зощенко и С.Д. Довлатова автор показывает, что Дворжак последовательно стремится сохранить коммуникативное воздействие оригинала, уделяя особое внимание передаче разговорной речи, экспрессивной лексики и юмористического эффекта [26]. Хотя исследование не ставит задачи реконструкции идиостиля переводчика, в нем выявляются отдельные устойчивые особенности его переводческой практики.

В дальнейшем внимание исследователей смещается к анализу отдельных переводов и рецепции творчества Дворжака. Особое место занимает статья К. Хлупачовой "Vášnivé sepětí s originálem? Přednosti a zápory překladatelské továrny" («Страстное единение с оригиналом? Преимущества и недостатки переводческого конвейера», 2014), а также другие ее публикации [17–20]. Исследовательница отмечает неоднозначность переводческой стратегии Дворжака: высоко оценивая его способность передавать языковую игру, стилистическую полифонию, разговорную речь и жанровые стилизации в переводах современной прозы, она одновременно указывает на усиление экспрессивности, использование обще-чешского разговорного интердиалекта (obecná čeština) и возможное сглаживание индивидуальных речевых характеристик персонажей в переводах классики. Несмотря на критический характер отдельных наблюдений, работы Хлупачовой представляют интерес для настоящего исследования, поскольку позволяют выявить повторяющиеся особенности переводческой манеры Дворжака.

Критическая оценка перевода романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» получила продолжение в рецензии А. Росовой "Poněkud uspěchaní Bratři Karamazovovi" ("Несколько поспешные 'Братья Карамазовы'", 2014), где отдельные недостатки перевода связываются с ограниченными сроками подготовки издания, однако признается удачность ряда переводческих решений [27].

Значительный интерес для настоящего исследования представляет магистерская диссертация Я. Ошкеровой "Kritická analýza dvou českých překladů Bulgakovova románu Mistr a Markétka se zaměřením na lexikální stránku jazyka" («Критический анализ двух чешских переводов романа М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита" с акцентом на лексическую сторону языка», 2016). Автор сопоставляет перевод Л. Дворжака с классическим переводом А. Моравковой, анализируя передачу собственных имен, фразеологизмов, разговорной и экспрессивной лексики, реалий, историзмов, библейской и иноязычной лексики. Полученные результаты позволяют выявить ряд устойчивых особенностей переводческой манеры Дворжака и сопоставить их с данными исследований, выполненных на материале произведений других авторов [24].

Важным этапом изучения рецепции переводов Дворжака стала магистерская диссертация К. Попсуевичовой "Vývojové tendence české kritiky překladu se zaměřením na odborné a laické ohlasy překladové tvorby Libora Dvořáka" («Тенденции развития чешской критики перевода с акцентом на профессиональную и читательскую рецепцию переводческого творчества Либора Дворжака», 2018). В работе систематизированы профессиональные и читательские отклики на переводы Дворжака и сопоставлены оценки критиков с высказываниями самого переводчика. Однако основной объект исследования составляет рецепция переводов, а не реконструкция идиостиля переводчика [25].

Отдельные аспекты переводческой манеры Дворжака рассматриваются в статье И.А. Герчиковой «Русская литература в чешских переводах (Либор Дворжак)» (2017),

посвященной главным образом переводам произведений С.Д. Довлатова. Исследовательница отмечает глубокое понимание переводчиком индивидуальной манеры писателя, стремление передать его интонацию, ритм и мелодику повествования, а также свободное владение разговорной и ненормативной лексикой [2]. По наблюдениям Герчиковой, Дворжак в целом сохраняет семантико-стилистическую и функциональную эквивалентность оригинала, хотя отдельные переводческие решения могут сопровождаться некоторыми неточностями.

Отдельные аспекты работы Дворжака с языковым и культурным материалом рассматриваются в исследованиях, выполненных под руководством О.С. Сергиенко. Н.В. Пьянкова в магистерской диссертации «Национально-специфические реалии прозы С. Довлатова и их отражение в переводе на чешский язык» (СПбГУ, 2025) показывает, что выбор способов передачи реалий определяется их художественной функцией и контекстом. Исследование демонстрирует, что переводчик сочетает различные приемы — функциональный аналог, транскрипцию, калькирование, генерализацию и описательный перевод — в зависимости от задачи конкретного фрагмента [8].

У.А. Чуванова в курсовой работе «Лингвокультурологические особенности перевода рассказов А.П. Чехова на чешский язык» (СПбГУ, 2026) сопоставляет переводы рассказов «Ванька», «Человек в футляре» и «Душечка», выполненные Ф. Голешовским и Л. Дворжаком. Автор показывает, что устойчивость переводческой манеры Дворжака проявляется не в использовании одних и тех же приемов, а в последовательности принципов выбора переводческого решения в зависимости от художественной функции языковой единицы [13].

Новейшим исследованием переводческой деятельности Либора Дворжака является магистерская диссертация А. Алексеевой “Komparativní analýza nového českého překladu Dostojevského románu Idiot” («Сопоставительный анализ нового чешского перевода романа Ф.М. Достоевского “Идиот”», 2025). Работа посвящена сопоставлению нового перевода романа с предыдущими чешскими переводами и русским оригиналом, прежде всего в аспекте передачи речевых характеристик персонажей и особенностей идиостиля Достоевского. Вместе с тем исследование ограничено материалом одного произведения и не ставит задачи реконструкции индивидуальной переводческой манеры Дворжака в целом [14].

Одной из важнейших особенностей переводческой концепции Дворжака является понимание перевода как исторически обусловленного процесса, связанного с изменением языка и читательского восприятия. Сам переводчик неоднократно подчеркивал необходимость обновления классических переводов, поскольку каждое новое поколение получает возможность заново обратиться к произведениям мирового литературного наследия. Эта мысль звучит в его интервью К. Попсуевичовой: “Víte, ono je to tak, že většinou po těch třiceti, ale častěji po čtyřiceti, padesáti letech ty předchozí překlady zastarávají, protože náš jazyk je neustále v pohybu. Literární čeština je jazyk poměrně mladý, takže díky tomu potřeba pořídit nové překlady” («Понимаете, дело в том, что обычно через тридцать, а чаще через сорок-пятьдесят лет прежние переводы устаревают, поскольку наш язык постоянно развивается. Литературный чешский язык сравнительно молод, поэтому возникает необходимость создавать новые переводы») [25, с. 76].

Именно такое понимание задач художественного перевода во многом определяет особенности работы Дворжака: стремление к языковой естественности, отказ от искусственной архаизации классических текстов, предпочтение синтаксически более прозрачных конструкций и активное использование выразительных возможностей совре-

менной чешской речи. Вместе с тем эти же принципы становятся предметом наиболее существенной критики в чешском переводоведческом дискурсе.

Таким образом, существующие работы позволяют выявить отдельные особенности переводческой манеры Либора Дворжака: ориентацию на естественность чешского языка, стремление к передаче коммуникативного и стилистического воздействия оригинала, активное использование разговорных средств и различных способов передачи культурно маркированной лексики. В ряде работ указывается также на тенденцию к сглаживанию индивидуальных речевых характеристик персонажей, когда различия между авторскими голосами могут частично уступать место узнаваемой манере самого переводчика. Вместе с тем до настоящего времени не предпринималось комплексного анализа идиостиля переводчика как системы устойчивых решений, проявляющихся при работе с произведениями различных русских авторов.

Настоящее исследование направлено на реконструкцию устойчивых особенностей переводческой манеры Либора Дворжака посредством анализа его переводов, сопоставления результатов предшествующих работ и обращения к высказываниям самого переводчика о принципах художественного перевода. Материалом исследования стали переводы произведений М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита»), А.П. Чехова (рассказы «Ванька», «Человек в футляре», «Душечка») и С.Д. Довлатова («Зона», «Чемодан»), дополненные обращением к литературно-критическим откликам на переводы романов Л.Н. Толстого («Война и мир») и Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»). В центре внимания находятся не отдельные переводческие приемы как таковые, а закономерности их выбора, позволяющие выявить индивидуальные принципы работы с художественным текстом. Исходным является предположение, что повторяемость переводческих решений в произведениях различных авторов и жанров свидетельствует о наличии устойчивых черт переводческого идиостиля.

Наиболее отчетливо индивидуальные особенности переводчика обнаруживаются при выборе языковых средств для передачи тех единиц оригинала, которые обладают не только семантическим, но и стилистическим и культурным значением в структуре художественного текста.

При переводе ономастики Дворжак использует различные стратегии в зависимости от характера имени. Нейтральные антропонимы и топонимы, как правило, передаются посредством транскрипции, тогда как семантически мотивированные, так называемые «говорящие» имена получают функционально обусловленную передачу средствами чешского языка. Особенно последовательно эта тенденция проявляется в переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где Л. Дворжак вступает в своеобразный диалог с первым чешским переводом А. Моравковой (1969), предлагая собственные решения в тех случаях, когда прежний перевод уже сформировал определенную традицию.

Так, Дворжак стремится сохранить авторскую форму имени, если она имеет художественную значимость. Например, имя **Иуда из Кариафа** он передает как *"Jidáš z Kariotu"* («Иуда из Кариота»), тогда как А. Моравкова использует традиционную новозаветную форму *"Jidáš Iškariotský"* («Иуда Искариот»). При этом оба переводчика сохраняют посредством транскрипции имя **Иешуа Га-Ноцри** — *Ješua Ha-Nocri*, воспроизводя авторскую номинацию персонажа [24, с. 51].

Особенно ярко индивидуальный подход Дворжака проявляется при передаче «говорящих» имен. Фамилию **Бездомный** переводчик передает как *Bezdomovec* («бездомный»), тогда как у Моравковой используется вариант *Bezprizorný* («беспризорный»),

создающий иной семантический акцент. Фамилия **Коровьев** получает у Дворжака форму *Kravinkin*, актуализирующую ассоциацию с чешским словом *kraviny* («чепуха, ерунда») и тем самым усиливающую комический потенциал имени [24, с. 46].

Различные подходы проявляются и при переводе прозвищ. Так, **Крысобой** у Моравковой передается как *"Krysobijce"* («крысобой»), сохраняющий внутреннюю форму оригинального имени, тогда как Дворжак использует вариант *"Krysolov"* («крысолов»). Ошкерова считает вариант Моравковой более точным с точки зрения семантики исходного имени [24, с. 53]. Для анализа идиостиля Дворжака этот пример важен как свидетельство того, что переводчик не всегда стремится к максимально буквальному воспроизведению внутренней формы имени, выбирая иные способы языкового выражения его характеристики. Сходная ситуация наблюдается при переводе фамилии **Лиходеев**: вариант Дворжака *Mizerov* (от *mizera* — «мерзавец, подлец») связан с современным обозначением отрицательной оценки, тогда как *Lotrov* Моравковой восходит к слову *"lotr"* («злодей, негодяй»), имеющему более книжный оттенок. Оба решения сохраняют характеризующую функцию имени, но реализуют ее разными средствами чешского языка.

Иная закономерность проявляется при переводе произведений А.П. Чехова, где большинство имен собственных не обладает выраженной семантической мотивированностью. Как показывает У.А. Чуванова, в таких случаях Дворжак преимущественно сохраняет русскую ономастику посредством транскрипции: *Vaňka Žukov, Konstantin Makaryč, Bělikov, Čimša-Gimalajskij* и др. Однако при наличии внутренней мотивировки имени он также стремится передать его художественную функцию. Так, кличка **Вьюн** передается как *"Piskoř"* («вьюн», название рыбы), тогда как Ф. Голешовский использует вариант *Mřínek* — название другой рыбы, известной в русском, как голец [13, с. 25]. Таким образом, в переводах Чехова сохраняется тот же принцип: Дворжак ориентируется прежде всего на сохранение художественной функции имени, а не на формальное воспроизведение его структуры.

Аналогичный подход проявляется и в работе с фразеологическими единицами. Анализ переводов А.П. Чехова, М.А. Булгакова и С.Д. Довлатова показывает, что Дворжак избегает механического воспроизведения компонентов исходного выражения и ориентируется на передачу его семантического содержания, стилистической окраски и коммуникативного эффекта. В зависимости от характера единицы и ее функции в тексте переводчик использует различные способы передачи — фразеологические эквиваленты, аналоги, трансформацию устойчивых выражений и стилистически маркированные замены.

Показателен в этом отношении перевод компаративного фразеологизма **«сечь как Сидорову козу»** в рассказе А.П. Чехова «Ванька». Как отмечает Е. Чуванова, буквальное воспроизведение русского образа было бы неэффективным, поскольку антропонимический компонент **Сидорова** и образ козы не обладают аналогичной культурной значимостью в чешском языке [13, с. 29]. А. Голешовский использует близкий по структуре сравнительный оборот *"bít jako nezralé žito"* («бить как незрелую рожь»), сохраняя модель исходного выражения. Дворжак выбирает другой путь — *"seřezat jako psa"* («исхлестать как собаку»), заменяя исходный образ чешским фразеологическим аналогом. Такое решение позволяет сохранить экспрессивность выражения и воспроизвести его воздействие на читателя средствами чешской фразеологии.

В переводах произведений С.Д. Довлатова особенно заметно внимание Дворжака к передаче разговорной стихии оригинала. П. Позняк отмечает, что переводчик

использует чешские устойчивые выражения, совпадающие с русскими по значению и стилистической функции, но в отдельных случаях выбирает более экспрессивные варианты [26, с. 56]. Так, реплика **«Все не как у людей!»** передается как *"Pořád nějaký extrabuřty!"* («вечно какие-то заморочки, выкрутасы»). Стилистически маркированное выражение *extrabuřty* позволяет сохранить раздраженно-ироническую интонацию оригинала, а форма *nějaký* вместо литературного *nějaké*, характерная для обще-чешского разговорного интердиалекта (obecná čeština), усиливает эффект устной речи.

Сходный принцип проявляется при переводе реплики **«Такой материал всегда проскочит. Мать-героиня — это вроде беспроигрышной лотереи»** в рассказе С.Д. Довлатова «Аристократка» — *"Takovej materiál se do čísla dostane vždycky. Matka-hrdinka, to je prostě tutovka"* [26, с. 57]. Вместо сохранения исходной метафоры Дворжак использует разговорную лексему *"tutovka"* («верняк, беспроигрышное дело»), а форма *takovej* вместо литературного *takový* дополнительно маркирует разговорный характер высказывания. В данном случае переводчик компенсирует утрату образной структуры оригинала за счет стилистически близкого средства современного чешского языка.

В диссертации Я. Ошкеровой мы находим ценный материал для исследования — сводную таблицу фразеологизмов «Мастера и Маргариты» и их чешских соответствий в переводах А. Моравковой и Л. Дворжака [24, с. 63–65]. Яркий пример работы Дворжака с паремиологическим фондом языка перевода представляет передача выражения **«Лечит подобное подобным»** в романе «Мастер и Маргарита». А. Моравкова использует близкий по образности аналог *"Vyrážejte klín klínem"* («выбивайте клин клином»), тогда как Дворжак обращается к чешской пословице *"Čím ses zkazil, tím se naprav"* («чем испортился, тем исправляйся»), трансформируя ее заменой глагола *"zkazit"* («испортить, испортиться») на стилистически маркированный компонент *"zmařit"* («погубить, свести на нет»): *Čím ses zmařil, tím se naprav*. В результате сохраняется пословичная структура и афористичность выражения, однако готовая языковая единица получает индивидуальную адаптацию в соответствии с контекстом произведения.

Еще один пример связан с переводом выражения **«Тут вся соль в разоблачении».** Если Моравкова передает его нейтральным оборотом *"Celý vtip je v odhalení"* («весь смысл заключается в разоблачении»), то Дворжак использует чешский фразеологизм *"Jádro pudla je přece v tom odhalení"* («ядро пуделя заключается именно в этом разоблачении»). Выражение *jádro pudla* восходит к немецкому *des Pudels Kern*, связанному с образом пуделя из «Фауста» И.В. Гёте. В контексте булгаковского романа, насыщенного фаустовскими мотивами, выбор этого фразеологизма приобретает дополнительную смысловую значимость, актуализируя один из важных культурных пластов произведения.

Таким образом, анализ перевода собственных имен и фразеологических единиц позволяет выявить важную закономерность идиостиля Л. Дворжака: переводчик ориентируется не на формальное соответствие исходной единице, а на сохранение ее художественной функции. Его переводческая стратегия сочетает точное воспроизведение семантически значимых элементов, использование ресурсов чешской фразеологии и стилистическую адаптацию текста к языковому сознанию современного читателя.

Работа с национально-специфической лексикой позволяет выявить еще одну устойчивую особенность переводческой манеры Л. Дворжака: при передаче реалий он ориентируется не на формальное воспроизведение исходной единицы, а на сохранение ее функции в художественном тексте. Выбор конкретного переводческого решения определяется характером реалии, степенью ее культурной маркированности

и значимостью для создания образа эпохи, социальной среды или речевой характеристики персонажа. В переводах Дворжака используются различные способы передачи реалий — транскрипция, функциональный аналог, генерализация, описательный перевод, — однако во всех случаях переводчик стремится сохранить тот художественный эффект, который выполняет реалия в оригинале.

Одним из наиболее частотных приемов является транскрипция — прежде всего в тех случаях, когда реалия непосредственно связана с русской культурой и ее замена могла бы привести к утрате национальной специфики. Так, в переводах рассказов А. П. Чехова Дворжак сохраняет такие этнографические реалии, как **«валенки»** (*"válenky"*), **«самовар»** (*"samovar"*), **«копейка»** (*"kopejka"*) и общественно-политическое понятие **«губерния»** (*"gubernie"*) [13, с. 44–63]. В данных случаях транскрипция оказывается функционально оправданной: переводчик не стремится устранить культурную дистанцию, а сохраняет принадлежность предмета или понятия к русской действительности.

Вместе с тем сохранение национального компонента не является для Дворжака самоцелью. Если использование транскрипции не является необходимым для понимания текста, переводчик прибегает к другим способам передачи, в частности к генерализации или родо-видовой замене. Так, русские реалии **«щи»**, **«ямщик», «тулуп»** передаются как *"polívka"* («суп»), *"kočí"* («кучер») и *"kožich"* («шуба, меховая одежда») соответственно [13, с. 22]. В этих случаях утрачивается часть историко-культурной информации, однако сохраняется функциональная роль реалии в повествовании: для читателя остается понятной ситуация, в которой действует персонаж.

Другой тип решения связан с использованием функциональных аналогов — единиц языка перевода, способных вызвать у читателя сходные культурные ассоциации. Например, при передаче реалии **«сапожник»** Дворжак использует чешское слово *švec*, которое обозначает соответствующую профессию в культуре перевода и выполняет аналогичную функцию в тексте [13, с. 47]. Подобный прием показывает, что переводчик в ряде случаев предпочитает не сохранять внешнюю форму реалии, а искать единицу, которая будет восприниматься чешским читателем как естественная и функционально равнозначная.

Особенно отчетливо эта стратегия проявляется в переводах произведений С.Д. Довлатова. В работе Н.В. Пьянковой отмечено, что при передаче национально-специфических реалий из повестей «Чемодан» и «Зона» Дворжак стремится сохранить не только предметное значение, но и социально-культурные ассоциации, связанные с советской действительностью. Так, реалия **«Березка»** получает в переводе обозначение *"tuzex"* («Тузекс») — название чешской системы магазинов, которые, как и советская «Березка», были связаны с продажей дефицитных товаров [8, с. 51]. Стилистическая чувствительность Дворжака проявляется и при передаче социально маркированной лексики. Например, слово **«фарцовщик»** переводится как *"vekslák"* («фарцовщик, спекулянт») и *"překupník"* («перекупщик») [8, с. 53]. Выбор данных соответствий важен не только в аспекте значения, но и с точки зрения речевой характеристики персонажей: переводчик сохраняет сниженную, связанную с теневой экономикой окраску исходной лексемы. Таким образом, работа с реалиями у Дворжака зависит от его общей установки на воспроизведение живой речи и социального контекста.

В переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» интерес представляет передача названия литературной организации МАССОЛИТ. А. Моравкова сохраняет аббревиатуру *MASOLIT* и сопровождает ее пояснением, тогда как Л. Дворжак предлагает вариант *Všelidolit* (ассоциируемый с выражением *Všelidová literatura* — «Всенарод-

ная литература») [24, с. 68]. Если решение Моравковой ориентировано на сохранение внешней формы советского названия, то Дворжак создает самостоятельное словообразовательное решение, передающее характерный для советской эпохи принцип идеологически маркированных названий организаций. Тем самым переводчик воспроизводит не буквальную структуру реалии, а ее функцию в художественном пространстве романа — связь бюрократической формы с сатирическим изображением литературной среды.

Таким образом, анализ передачи реалий позволяет выявить еще одну устойчивую черту идиостиля Л. Дворжака: переводчик варьирует способы передачи в зависимости от культурной и художественной значимости единицы. Он сохраняет реалии посредством транскрипции, адаптирует их с помощью функциональных аналогов, использует генерализацию или пояснительный перевод, если это необходимо для восприятия текста. Как и при переводе имен и фразеологизмов, определяющим принципом становится не формальное соответствие оригиналу, а воспроизведение его культурного, стилистического и коммуникативного потенциала.

Проведенный анализ переводов произведений М.А. Булгакова, А.П. Чехова и С.Д. Довлатова, дополненный обращением к критическим откликам на переводы романов Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, позволяет выявить устойчивые черты индивидуальной переводческой манеры Дворжака. При этом речь идет не о наборе разрозненных приемов, обусловленных спецификой отдельных текстов, а о целостной стратегии, основанной на понимании задач художественного перевода: стремлении сохранить художественную функцию как каждой единицы языка оригинала, так и каждого оригинального произведения в целом, одновременно обеспечив его полноценное восприятие современным чешским читателем.

Одной из наиболее заметных черт переводческой манеры Дворжака является ориентация на функциональную адекватность перевода, понимаемую в отечественной традиции переводоведения как соответствие переводческого решения содержанию, художественной функции и коммуникативной задаче исходного текста. Эта особенность особенно отчетливо проявляется при передаче фразеологических единиц, реалий и «говорящих» имен: переводчик либо подбирает функционально близкое средство чешского языка, либо творчески преобразует исходную единицу, если это позволяет сохранить ее роль в художественной системе произведения. Подобный подход объясняет и наиболее характерные особенности его работы с классическими текстами: стремление преодолеть временную дистанцию между оригиналом и современным читателем, сохранив при этом художественную специфику произведения и его воздействующий потенциал.

Существенной составляющей идиостиля Дворжака является ~~также~~ ориентация на живой современный чешский язык и его выразительные средства. Вместе с тем именно эта черта наиболее часто вызывает дискуссии в критике: стремление к естественности и выразительности может вступать в противоречие с необходимостью сохранения стилистической дистанции исходного текста.

Таким образом, своеобразие переводческой манеры Либора Дворжака определяется стремлением сохранить художественную специфику оригинала при выборе таких средств ее выражения, которые отвечают современному состоянию чешского языка и особенностям восприятия современного читателя. Неоднозначная рецепция его переводов в чешской критике связана не с отсутствием последовательной стратегии, а, напротив, с ярко выраженным авторским характером переводческих решений.

Переводы Дворжака не стремятся оставаться незаметным посредником между автором и читателем: они отражают определенное понимание задач переводчика и роли классической литературы в современной культуре. Стремление к языковой естественности, динамичности повествования и активному использованию выразительных возможностей современной чешской речи сочетается в них с вниманием к семантической, стилистической и культурной функции отдельных элементов оригинала.

Именно это сочетание сохранения художественной функции исходного текста и осознанной творческой роли переводчика позволяет рассматривать Либора Дворжака как одного из наиболее самобытных современных представителей чешской школы перевода русской литературы.

Список литературы

Исследования

1 *Дзапарова Е.Б.* Творческая индивидуальность переводчика как компонент художественного перевода // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. №2. С. 301–306.

2 *Герчикова И.А.* Русская литература в чешских переводах (Либор Дворжак) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: сб. научн. тр. / отв. ред. Е.С. Узенева. М.: Изд-во ИСл РАН, 2017. С. 434–442. (Серия «Славянский мир в третьем тысячелетии»; вып. 12). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-literatura-v-cheshskih-perevodah-libor-dvorzhak (дата обращения: 09.07.2026).

3 *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

4 *Кранышева Ю.А.* Проблема индивидуального стиля переводчика (на материале сопоставительного анализа переводов романа «Гарри Поттер и философский камень» Дж.К. Роулинг) // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Фёдорова. 2015. №2. С. 48–55. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-individualnogo-stilya-perevodchika-na-materiale-sopostavitelnogo-analiza-perevodov-romana-garri-potter-i-filosofskiy-kamen-dzh (дата обращения: 12.07.2026).

5 *Крупник Л.В.* Личность переводчика как субъективный фактор художественного перевода (на материале книги Л. Уоллиса «Бен-Гур») // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Н. Новгород: ООО «АЛЬБА», 2013. Вып. 3. С. 121–129.

6 *Ладуренко А.Д.* Роль языковой личности переводчика при переводе художественных текстов на примере цикла книг Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер» // Дальневосточный филологический журнал. 2023. №1–2. С. 99–108.

7 *Левый И.* Искусство перевода / пер. с чеш. и предисл. Вл. Россельса. М.: Прогресс, 1974. 396 с.

8 *Пьянкова Н.В.* Национально-специфические реалии прозы С. Довлатова и их отражение в переводе на чешский язык: магистерская дис. [Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2025. 78 с.

9 *Рахматуллина Д.Р., Безменова Л.Э., Мангушев С.В.* Языковая личность переводчика и прагматическая вариативность перевода (на материале перево-

дов романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 4. С. 1343–1350. https://doi.org/10.30853/phil20240195

10 *Сергиенко О.С.* Современные чешские переводчики русской литературы — братья Либор и Милан Дворжаки // Пятые Андреевские чтения. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. Мат. секции XLII Междунар. филол. Конф. 11–17 марта 2013 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2013. С. 63–71.

11 *Тиллоева С.М., Трёкина Е.Н.* Роль личности переводчика при переводе художественного текста // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сб. мат. Междунар. научн.-практич. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Екатеринбург: Издат. дом «Ажур», 2023. С. 237–245.

12 *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 304 с.

13 *Чуванова У.А.* Лингвокультурологические особенности перевода рассказов А.П. Чехова на чешский язык: курсовая работа [Санкт-Петербургский государственный университет]. СПб., 2026. 62 с.

14 *Alexejeva A.* Komparativní analýza nového českého překladu Dostojevského románu Idiot: diplomová práce [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2025. 148 s. URL: https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/203127 (дата обращения: 06.07.2026).

15 *Baker M.* Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator // Target. International Journal of Translation Studies. 2000. Vol. 12, № 2. P. 241–266. https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak

16 *Boase-Beier J.* Stylistic Approaches to Translation. Manchester: St. Jerome Publishing, 2006. 176 p.

17 *Chlupáčová K.* Prohraná překladatelská válka // A2. 2011. № 10. URL: https://advojka.cz/a2-article/2011-10-prohrana-prekladatelska-valka (дата обращения: 02.07.2026).

18 *Chlupáčová K.* Nový překlad Dostojevského Bratrů Karamazových // iLiteratura. URL: https://www.iliteratura.cz/clanek/32739-dostojevskij-fjodor-michajlovic-bratri-karamazovi (дата обращения: 02.07.2026).

19 *Chlupáčová K.* Vášnivé sepětí s originálem? Přednosti a zápory překladatelské továrny // A2. 2014. № 18. URL: https://advojka.cz/a2-article/2014-18-vasnive-sepeti-s-originalem (дата обращения: 02.07.2026).

20 *Chlupáčová K.* Nový překlad próz A. P. Čechova // iLiteratura. URL: https://www.iliteratura.cz/clanek/35143-cechov-anton-pavlovic-clovek-ve-futralu (дата обращения: 02.07.2026).

21 *Hermans T.* The Translator's Voice in Translated Narrative // Target. International Journal of Translation Studies. 1996. Vol. 8, № 1. P. 23–48.

22 *Munday J.* Style and Ideology in Translation: Latin American Writing in English. N. Y.; London: Routledge, 2008. 261 p.

23 *Munday J.* The Creative Voice of the Translator of Latin American Literature // Romance Studies. 2009. Vol. 27, № 4. P. 246–258.

24 *Oškerová J.* Kritická analýza dvou českých překladů Bulgakovova románu Mistr a Markétka se zaměřením na lexikální stránku jazyka: diplomová práce [Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, Katedra slavistiky]. Olomouc, 2016. 107 s.

25 *Popsujevičová K.* Vývojové tendence české kritiky překladu se zaměřením na odborné a laické ohlasy překladové tvorby Libora Dvořáka: diplomová práce [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2018. 79 s.
26 *Pozniak P.* Libor Dvořák jako překladatel ruské humoristické literatury: bakalářská práce [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav slavistických a východoevropských studií]. Praha, 2010. 69 s.
27 *Rosová A.* Poněkud uspěchaní Bratři Karamazovovi // Plav. 2014. №9. URL: https://www.svetovka.cz/2014/09/09-2014-recenze-rosova (дата обращения: 02.07.2026).

Источники

28 Libor Dvořák // Databazeknih.cz. URL: https://www.databazeknih.cz/prekladatele/libor-dvorak-331 (дата обращения: 11.05.2026).

***

© 2026. Olesya S. Sergienko
St. Petersburg, Russia

FEATURES OF LIBOR DVOŘÁK'S IDIOSTYLE AS A TRANSLATOR OF RUSSIAN LITERARY FICTION

Abstract: The paper examines the individual style of Libor Dvořák, a Czech translator of Russian literature. The relevance of the study is determined by the current interest of translation studies in the translator as a subject of literary translation and by the need to identify the stable features of an individual translating style. The aim of the research is to reconstruct Dvořák's translator's idiolect through the analysis of recurring translation decisions revealed in his work with literary texts by Russian writers of the 19th and 20th centuries. The research material comprises Dvořák's translations of works by Mikhail Bulgakov, Anton Chekhov, and Sergei Dovlatov, as well as literary-critical responses to his translations of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoevsky. The study employs comparative analysis of original texts and translations, contextual analysis, and the analysis of translation strategies. The results demonstrate that Dvořák's translator idiostyle is characterized by the effort to preserve the artistic function of the original while selecting means of expression corresponding to contemporary Czech. The analysis shows that the consistency of his translatorial style is manifested in the systematic choice of ways to render linguistic elements with regard to their semantic, stylistic, and cultural significance within the text.

Keywords: Libor Dvořák, translator's style, literary translation, Russian literature in Czech translations

Information about the author: Olesya S. Sergienko — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universytetskaya Emb., 9–11, 199034 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2374-717X
E-mail: o.sergienko@spbu.ru

Received: July 15, 2026
Approved after reviewing: August 26, 2026
Date of publication: September 25, 2026
For citation: Sergienko, O.S. "Features of Libor Dvořák's Idiostyle as a Translator of Russian Literary Fiction." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 81, 2026, pp. 272–287. (In Russ.) https://doi.org/10.37816/2073-9567-2026-81-272-287

References

1 Dzaparova, E.B. "Tvorcheskaia individualnost perevodchika kak komponent khudozhestvennogo perevoda" ["Creative Individuality of the Translator as a Component of Literary Translation"]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.L. Khetagurova*, no. 2, 2012, pp. 301–306. (In Russ.)

2 Gerchikova, I.A. "Russkaia literatura v cheshskikh perevodakh (Libor Dvorzhak)" ["Russian Literature in Czech Translations (Libor Dvořák)"]. *Slavianskii mir v tretem tysiacheletii. Etnicheskie, konfessionalnye, sotsiokulturnye komponenty identichnosti narodov Tsentralnoi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy*: sbornik nauchnykh trudov [*The Slavic World in the Third Millennium. Ethnic, Religious, and Sociocultural Components of the Identity of the Peoples of Central, Eastern, and Southeastern Europe:* Collection of Scholarly Papers], ex. ed. E.S. Uzeneva. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017, pp. 434–442 (Series "Slavianskii mir v tretem tysiacheletii" [Slavic World in the Third Millennium]; vol. 12) Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-literatura-v-cheshskih-perevodah-libor-dvorzhak (Accessed 09 July 2026). (In Russ.)

3 Komissarov, V.N. *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [*Translation Theory (Linguistic Aspects)*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1990. 253 p. (In Russ.)

4 Kranysheva, Iu.A. "Problema individualnogo stilia perevodchika (na materiale sopostavitelnogo analiza perevodov romana 'Garri Potter i filosofskii kamen' Dzh.K. Rouling)" ["The Issue of the Translator's Individual Style (Based on a Comparative Analysis of Translations of J.K. Rowling's Novel 'Harry Potter and the Philosopher's Stone')"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati imeni Ivana Fedorova*, no. 2, 2015, pp. 48–55. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-individualnogo-stilya-perevodchika-na-materiale-sopostavitelnogo-analiza-perevodov-romana-garri-potter-i-filosofskiy-kamen-dzh (Accessed 12 July 2026). (In Russ.)

5 Krupnik, L.V. "Lichnost perevodchika kak subiektivnyi faktor khudozhestvennogo perevoda (na materiale knigi L. Uollisa 'Ben-Gur')" ["The Translator's Personality as a Subjective Factor in Literary Translation (Based on L. Wallace's Novel 'Ben-Hur')"]. *Aktualnye voprosy perevodovedeniia i praktiki perevoda* [*Current Issues in Translation Studies and Translation Practice*], vol. 3. Nizhnii Novgorod, OOO "ALBA" Publ., 2013, pp. 121–129. (In Russ.)

6 Ladurenko, A.D. "Rol iazykovoi lichnosti perevodchika pri perevode khudozhestvennykh tekstov na primere tsikla knig Dzh.K. Rouling 'Garri Potter'" ["The Role of the Translator's Linguistic Personality in Translating Literary Texts (Based on J.K. Rowling's 'Harry Potter' Series)"]. *Dalnevostochnyi filologicheskii zhurnal*, no. 1–2, 2023, pp. 99–108. (In Russ.)

7 Levyi, I. *Iskusstvo perevoda* [*The Art of Translation*], trans. from Czech, and *introd*. Vl. Rossels. Moscow, Progress Publ., 1974. 396 p. (In Russ.)

8 Piankova, N.V. *Natsionalno-spetsificheskie realii prozy S. Dovlatova i ikh otrazhenie v perevode na cheshskii iazyk*: magisterskaia dissertatsiia [*Nationally Specific Realities of S. Dovlatov's Prose and Their Representation in Translation into Czech*: Master's Thesis]. [Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, 2025. 78 p. (In Russ.)

9 Rakhmatullina, D.R., Bezmenova, L.E., Mangushev, S.V. "Iazykovaia lichnost perevodchika i pragmaticheskaia variativnost perevoda (na materiale perevodov romana Dzh. Ostin 'Gordost i predubezhdenie')" ["The Translator's Linguistic Personality and Pragmatic Variability of Translation (Based on Translations of J. Austen's Novel 'Pride and Prejudice')"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 17, issue 4, 2024, pp. 1343–1350 https://doi.org/10.30853/phil20240195 (In Russ.)

10 Sergienko, O.S. "Sovremennye cheshskie perevodchiki russkoi literatury — bratia Libor i Milan Dvorzhaki" ["Modern Czech Translators of Russian Literature — Brothers Libor and Milan Dvořák"]. *Piatye Andreevskie chteniia. Slavianskie literatury i literaturnye vzaimosviazi.* Materialy sektsii XLII Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii 11–17 marta 2013 g. [*The Fifth Andreev Readings. Slavic Literatures and Literary Interrelations.* Proceedings of the Section of the 42th International Philological Conference, March 11–17, 2013]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2013, pp. 63–71. (In Russ.)

11 Tilloeva, S.M., Trekina, E.N. "Rol lichnosti perevodchika pri perevode khudozhestvennogo teksta" ["The Role of the Translator's Personality in Literary Translation"]. *Iazyk v sfere professionalnoi kommunikatsii:* sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov i studentov [*Language in the Sphere of Professional Communication:* Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of University Teachers, Postgraduate Students, Master's Students, and Undergraduate Students]. Ekaterinburg, Izdatelskii dom "Azhur" Publ., 2023, pp. 237–245. (In Russ.)

12 Fedorov, A.V. *Osnovy obshchei teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy)* [*Foundations of General Translation Theory (Linguistic Problems)*]. *4nd ed., rev. and edd.* Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1983. 304 p. (In Russ.)

13 Chuvanova, U.A. *Lingvokulturologicheskie osobennosti perevoda rasskazov A. P. Chekhova na cheshskii iazyk*: kursovaia rabota [*Linguocultural Features of Translating A.P. Chekhov's Short Stories into Czech*: Course Paper]. [Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, 2026. 62 p. (In Russ.)

14 Alexejeva, Antonie. *Komparativní analýza nového českého překladu Dostojevského románu Idiot*: diplomová práce. [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2025. 148 p. Available at: https://dspace.cuni.cz/handle/20.500.11956/203127 (Accessed 06 July 2026). (In Czech)

15 Baker, Mona. "Towards a Methodology for Investigating the Style of a Literary Translator." *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 12, no. 2, 2000, pp. 241–266. https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak (In English)

16 Boase-Beier, Jean. *Stylistic Approaches to Translation*. Manchester, St. Jerome Publ., 2006. (In English)

17 Chlupáčová, Kamila. "Prohraná překladatelská válka." *A2*. No. 10. 2011. Available at: https://advojka.cz/a2-article/2011-10-prohrana-prekladatelska-valka (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
18 Chlupáčová, Kamila. "Nový překlad Dostojevského Bratrů Karamazových." *iLiteratura*. Available at: https://www.iliteratura.cz/clanek/32739-dostojevskij-fjodor-michajlovic-bratri-karamazovi (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
19 Chlupáčová, Kamila. "Vášnivé sepětí s originálem? Přednosti a zápory překladatelské továrny." *A2*. No. 18. 2014. Available at: https://advojka.cz/a2-article/2014-18-vasnive-sepeti-s-originalem (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
20 Chlupáčová, Kamila. "Nový překlad próz A.P. Čechova." *iLiteratura*. Available at: https://www.iliteratura.cz/clanek/35143-cechov-anton-pavlovic-clovek-ve-futralu (Accessed 02 July 2026). (In Czech)
21 Hermans, Theo. "The Translator's Voice in Translated Narrative." *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 8, no. 1, 1996, pp. 23–48. (In English)
22 Munday, Jeremy. *Style and Ideology in Translation: Latin American Writing in English*. New York, London, Routledge Publ., 2008. 261 p. (In English)
23 Munday, Jeremy. "The Creative Voice of the Translator of Latin American Literature." *Romance Studies*, vol. 27, no. 4, 2009, pp. 246–258. (In English)
24 Oškerová, Jana. *Kritická analýza dvou českých překladů Bulgakovova románu Mistr a Markétka se zaměřením na lexikální stránku jazyka*: diplomová práce. [Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, Katedra slavistiky]. Olomouc, 2016. 107 p. (In Czech)
25 Popsujevičová, Kateřina. *Vývojové tendence české kritiky překladu se zaměřením na odborné a laické ohlasy překladové tvorby Libora Dvořáka*: diplomová práce. [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2018. 79 p. (In Czech)
26 Pozniak, Pavel. *Libor Dvořák jako překladatel ruské humoristické literatury*: bakalářská práce. [Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, Ústav translatologie]. Praha, 2010. 69 p. (In Czech)
27 Rosová, Anna. "Poněkud uspěchaní Bratři Karamazovovi." *Plav*. No. 9. 2014. Available at: https://www.svetovka.cz/2014/09/09-2014-recenze-rosova (Accessed 02 July 2026). (In Czech)